

ВАССОЕВИЧ Андрей Леонидович

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ НАКАНУНЕ 30-ЛЕТИЯ

ОБ АВТОРЕ:

Директор Института востоковедения РГПУ им. А.И. Герцена, ректор Санкт-Петербургской Восточной Академии, профессор кафедры политической психологии СПбГУ, на которой с незначительными перерывами проработал с 1992 по 2019 год, доктор философских наук и кандидат исторических наук. Окончил Восточный факультет ЛГУ им. А.А. Жданова.

Общеизвестно, что слово «психология», имеющее древнегреческую этимологию, составлено из ψυχή — «душа» и многозначного слова λόγος. Поэтому сама «психология» может истолковываться и как «душеведение» — наука о душе, и как «душесловие». Понятно, что в русском языке такие слова как «празднословие», «славословие», «сквернословие» имеют скорее отрицательную коннотацию. Поэтому любая попытка навязывать понимание психологии как «душесловия» будет казаться оскорбительной. И, тем не менее, современная психологическая наука распадается на два течения: одни учёные занимаются реальным изучением психических явлений, то есть ответов мозга на внешние и внутренние раздражители, а другие, как это ни прискорбно, разглагольствуют о том, что «Бог на душу положит». К ним-то, по своей сути, термин «душесловие» вполне применим.

Вспоминаю, как в советское время со стороны студентов естественнонаучных факультетов ЛГУ им. А.А. Жданова исходила очень обидная шутка, обращённая к студентам психфака: «Психологи занимаются тем, чего нет». Ведь тогдашняя материалистическая философия отрицала в человеке наличие души. Сегодня времена примитивного материализма ушли в прошлое, так как любой современный мобильный телефон, имеющий доступ к Интернету, с точки зрения материалиста XIX века, — это воплощённая сказка Пушкина («Свойство зеркальце имело, говорить оно умело»). Обращаемся к «гуглу» — получаем достоверный ответ. Поэтому надо исходить из того, что в обществе уже созрели предпосылки для того, чтобы психология становилась наукой более глубокой, нежели та разновидность упорядоченного знания, с которой мы сталкиваемся в по-своему замечательном учебни-

ке Б.М. Теплова¹, изданном в последние годы жизни И.В. Сталина, как руководство для средних школ.

Если исходить из того, что **наука есть упорядоченное знание, направленное на выявление причинно-следственных связей и /или связей соотносительной одновременности, стремящееся к точности измерений**, политическая психология, безусловно, — наука. Другое дело, что те определения политической психологии, которыми мы чаще всего пользуемся, оставляют желать лучшего. Обычно «...используется определение политической психологии, принятое в ISPP. Политическая психология — это дисциплина, изучающая связи между психологическими и политическими процессами»². В 1997 году А.И. Юрьев видоизменил это определение, провозгласив, что «*политическая психология изучает связь политических явлений и психологических феноменов*»³.

Но и это второе определение содержит элемент тавтологии, поскольку древнегреческое φαίνόμενον и означает «явление». Возможно, в преддверии 30-летия создания кафедры политической психологии СПбГУ, проще было бы признать, что **политическая психология изучает связь между психическими явлениями и формами политического поведения**. Такое определение, по крайней мере, не противоречило бы широко распространённому мнению, что сама **психология — наука о психических явлениях**,

1 Теплов Б. М. Психология. Учебник для средней школы. Изд-во: Учпедгиз. 1949.

2 Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. С. 13.

3 Юрьев А.И. Системное описание политической психологии. Диссертация в виде научного доклада на соискание учёной степени доктора психологических наук. СПб, 1996. С. 3.

а психические явления, соответственно, — это ответы мозга на внешние и внутренние раздражители.

Будучи порождением двух выдающихся воспитанников ленинградской психологической школы, наша политическая психология закономерно сформировала два течения. На сегодняшний день политические психологи делятся преимущественно на «зимичевцев» и «юрьевцев». К числу «юрьевцев» следует отнести, прежде всего, тех учеников Александра Ивановича, которые, сохранив верность своему учителю, ушли вместе с ним «в дальнее плавание» в ЛГУ им. А.С. Пушкина. «Зимичевцы» же в память Анатолия Михайловича уже второй год на площадке Санкт-Петербургского информационного центра ТАСС проводят «Зимичевские чтения», посвящённые проблемам межэтнического согласия.

Здесь уместно напомнить, что сам Анатолий Михайлович никогда не стремился к тому, чтобы его друзья и поклонники лишь начётнически повторяли основные положения выдающейся книги «Психология политической борьбы», выдержавшей шесть изданий. А.М. Зимичев ценил, когда политические психологи, не соглашаясь с ним, вступали в дискуссии. Сошлюсь на конференцию «Российская элита на рубеже веков», организованную в 2000 году Г.С. Водолеевым, где я не только пропагандировал знаменитое зимичевское определение этноса⁴, но вступал на путь откровенного ревизионизма: «Отталкиваясь от схемы А.М. Зимичева, когда этнос изображается в виде овала, в который вписано местоимение 1 лица множественного числа «Мы», и овал этот противопоставляется окружающему миру, обозначенному словами «НЕ Мы», для лиц, склонных к конкретно-образному мышлению, можно предложить новый наглядный образ. Этот образ — изображение живой клетки, находящейся в межклеточном веществе. При всём разнообразии по размерам, форме и функциям все клетки имеют общие черты строения. И подобно тому, как основные части любой клетки — цитоплазма и ядро, любой этнос включает в себя, помимо основной массы, его составляющей, ещё и элиту этноса (его ядро)»⁵.

Поверьте, после этого «ревизионистского» выступления Анатолий Михайлович не только на меня не обиделся, но и в самом конце 2000 года преподнёс мне удивительный подарок в виде книжечки⁶.

Естественно, что в политической психологии, как и вообще в нашей жизни, возможно продуктивное

сотрудничество людей, стоящих на прямо противоположных мировоззренческих позициях. Одни психологи являются психологами-материалистами, другие допускают, что существует некая высшая сила, стоящая над законами природы. Речь, конечно же, идёт о тех, кто придерживается клерикального умонастроения. А клерикальное умонастроение тоже обязывает ко многому, в частности, к пониманию такой категории, как грех.

Преподавая около четверти века на факультете психологии СПбГУ, я на протяжении многих лет задавал студентам один и тот же вопрос: «Что есть грех?» И поразительно, что никто и никогда по этому поводу не мог дать вразумительного ответа, хотя до 1917 года правильный ответ был известен всем, кто учился по Букварю для церковно-приходской школы: «Что́ е́сть грѣхъ; Престѹплѣнїе закона вѣла»⁷. Если изъяснять эти слова современным научным языком, нам пришлось бы сказать, что **грех — это противодействие той высшей силе, которая предопределяет законы природы и социальной жизни, включая закон отложенного возмездия**. Ещё Ф. Ницше предостерегал — «hütet euch, gegen den Wind zu speien!»⁸ — «бойтесь плевать против ветра». Но что такое плевать против ветра по сравнению с плевыми в сторону той силы, которая выше законов природы и социальной жизни человека и которая, в конечном счёте, предопределяет закон отложенного возмездия⁹. Будем исходить из того, что сегодня в политической психологии возможны два направления: одно «гуманистическое», основанное на непрестанной лести человеческому роду, а другое — солидаризирующееся с реальной оценкой греховности человеческой природы, о которой говорят все традиционные монотеистические религии.

В качестве примеров грубой лести человеческому роду вспомним слова таких классиков русской литературы, как М. Горький и В.Г. Короленко: «Человек!... Это звучит... гордо!»¹⁰, «Человек создан для счастья, как птица для полёта»¹¹. Альтернативную точку зрения легче всего представить словами пятидесятого псалма «**Грѣ во, въ веззаконїихъ зачатъ єсмь, и во грѣсѣхъ роди, ма мати моа**»¹². Поэтому,

4 «Этнос — это любое объединение людей, которые осознают свою общность, т.е. могут сказать о себе «Мы». ... Для того чтобы этнос мог существовать, он должен быть противопоставлен окружающему миру «не мы». Иначе говоря, этнос всегда существует там, где есть разделение на «мы» и «не мы» См.: Зимичев А.М. Психология политической борьбы/в книге Избранные произведения. СПб, Изд-во ЦППИ, 2008. С. 553–554

5 Вассоевич А.Л. Идеология нового элитаризма в условиях криминально-мафиозного способа производства // Российские элиты на рубеже веков (социальные технологии нового элитаризма). Материалы научно-практической конференции. СПб., 2000. С. 67–68

6 Дроздов В.А., Зимичев А.М. Вассоевич Андрей Леонидович / Материалы к библиографии ученых России. Вып. 1. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургская Акмеологическая Академия», 2000. — 124 с.

7 Славянский или церковный букварь. Репринтное воспроизведение издания 1908. СПб: Титул, 1992. С. 81.

8 Nietzsche F. Also sprach Zarathustra // Gesammelte Werke. Köln, Anacolina Verlag GmbH, 2012. S. 434.

9 Вассоевич А.Л. Большой террор как орудие внутривластной борьбы // Следствие продолжается... Кн. двенадцатая. СПб: «Первый класс», 2018. С. 72–75.

10 Горький М. На дне // Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 170.

11 Короленко В.Г. Парадокс. Собрание сочинений. Том 2. Повести и рассказы. Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1954. С. 204.

12 Псалтирь следованная. I часть. Репринтное издание Донского монастыря. М.: Кузнецкий мост, 1993. С. 62.

общаясь на протяжении четверти века со студентами кафедры политической психологии, я всегда просил их записывать несколько основополагающих принципов, которые студенты-остряки величали «человеконенавистническими законами Андрея Леонидовича» (увы, «на всяк роток не накинешь платок», а студенты нередко бывают жестоки в оценках своих преподавателей). И всё-таки приведу ниже все эти положения.

Положение первое — всякая тварь божья стремится к экономии энергии. Положение проявляется не только в «принципе экономии речевых усилий», который так хорошо знаком лингвистам, когда вместо «Auf Wiedersehen» говорят «Wiedersehen», вместо «сколько, столько» — «скока, стока», например, в русском просторечии «скока вешать грамм». Куда существеннее, что первое краеугольное положение лежит в основе общечеловеческого стремления использовать чужой труд вместо того, чтобы самому расходовать свою энергию. Отсюда возникает и эксплуатация человека человеком.

Второе положение состоит в том, что **человек — существо ненасытное.** Любой представитель человеческого сообщества, страдающий избыточным весом, прекрасно понимает, что ему следовало бы в два-три раза сократить норму потребления белков, жиров и углеводов. А между тем, он не в состоянии совладать со своей ненасытностью. Это требует от него величайших волевых усилий.

Более того, как только человек начинает возлагать на других людей изрядную часть той трудовой деятельности, которую мог бы осуществлять и сам, у него появляется соблазн всё более и более высвободить для себя свободное время. Но речь идёт не только о стремлении разгрузиться от неприятных работ, человек ещё склонен к сверхпотреблению материальных благ. Точно так же нет сдерживающих механизмов и в злоупотреблении властью. Не случайно Н. С. Хрущёв — человек малокультурный, но не лишённый природного ума, — говорил: «Власть слаще бабы». И поэтому стремление к власти также подчиняется принципу: «человек — скотина ненасытная».

Существует, однако, **третий закон**, который нейтрализует действие закона предшествующего — **страх смерти обычно сильнее жажды наживы.** На протяжении многих тысячелетий на большой дороге этот принцип явственно проявлялся тогда, когда разбойники провозглашали: «Кошелёк или смерть!» При этом подавляющее большинство путешественников предпочитало отдать кошелёк, но сохранить свою жизнь. Естественно, что из всякого правила есть исключения. И поэтому находятся такие люди, которые готовы погибнуть в битве за собственные материальные блага. Но ведь и латинская мудрость гласит: «Nulla regula est sine exceptione» («нет правила без исключения»).

Четвёртый закон, наверное, особенно болезненно будет воспринят представителями творческой

и научной интеллигенции, — **человек — существо завистливое, ревнующее не только к чужому материальному благополучию, но и к знаниям, навыкам, умениям и талантам других людей.** Поэтому в любой науке, в том числе и в психологической, мы сталкиваемся с жесточайшей борьбой как отдельных учёных, так и целых научных кланов. И чаще всего в основе этой жестокой борьбы лежит простое человеческое чувство ревности и зависти. Именно поэтому научные школы по сути дела напоминают маленькие политические партии, где каждая пытается доминировать и подавлять другие конкурирующие с ней структуры. Случается, что происходит слияние некогда враждебных друг другу научных школ ради борьбы с третьей, более «опасной», научной школой.

Со времён горбачёвской перестройки бытовало мнение, что мощнейшим тормозом для развития отечественной науки была тоталитарная система. Прошедшие десятилетия показали, что тоталитарная система чаще всего не тормозила, а стимулировала развитие науки. Это относится как к тоталитарной системе Советского Союза, так и Третьего рейха. Через семь десятилетий после окончания Второй мировой войны мы с содроганием начинали узнавать, какие выдающиеся достижения были у науки нацистской: собственно говоря, стоя на её плечах, и США, и Советский Союз устремились в космос. Американцам, как известно, повезло больше всех, потому что им достался Вернер фон Браун. Ну а С. П. Королёву приходилось самому изучать трофейные управляемые снаряды Фау-1 и Фау-2. В этом смысле вклад русской науки в ракетостроение и космонавтику более оригинален, чем вклад науки американской.

Когда тоталитарная система требует от представителей научного сообщества (под угрозой расправы) конкретных результатов по созданию сверхнового оружия, овладению новыми технологиями, учёные вынуждены умерить внутривидовую борьбу. Когда же научные силы оказываются предоставлены сами себе, они часто встают на путь взаимоуничтожения. И здесь в силу вступает **ещё одно правило**, которое я осмелюсь сформулировать так: **если сумма отрицательных эмоций, связанных с любым видом деятельности, существенно превосходит сумму положительных эмоций, связанных с ним, то сама эта деятельность сначала перестаёт быть эмоционально значимой, а потом просто вызывает отвращение.**

Наблюдая за столкновениями научных группировок и отдельных учёных в самых различных областях наших наук — от востоковедения до психологии, — я могу сказать, что огромное количество талантливых людей сошли с дистанции после того, как сумма отрицательных эмоций, возникших у них в ходе упорных попыток заниматься серьёзной наукой, резко превысила сумму положительных эмоций. Значит, в научном сообществе должен существовать и некий внешний регулятор.

Этим регулятором, в идеале, должна быть государственная власть. Другое дело, что в таком случае сама государственная власть должна быть представлена образованными и компетентными людьми, которые могут найти в себе смелость оценивать эффективность работы тех или иных научных подразделений.

Сегодня культурный уровень чиновничества, ответственного за науку, достаточно низок, и поэтому оно хватается за волшебную палочку наукометрических показателей. Научные результаты оцениваются не по существу, а по формальным показателям — чаще всего по количеству публикаций. В таких условиях любой графоман будет всегда иметь преимущество перед гением, который на протяжении многих лет пытается постичь некую реальную закономерность, а она иной раз может уместиться на нескольких страницах писчей бумаги. Считается, что чрезвычайно надёжным показателем является индекс цитирования. Но и тут мы сталкиваемся с определённым заблуждением. Появляются умники, которые весьма умело организуют систему взаимоцитирования — «мы вам — вы нам», «от нашего стола к вашему столу» — и бедное чиновничество опять оказывается обманутым. Коль скоро большинство нынешних ответственных лиц формировалось в ту пору, когда были сложены гениальные песни «Гуд-бай Америка... нас так долго учили любить твои запретные плоды»¹³ или «Она хотела бы жить на Манхэттене и с Деми Мур делиться секретами»¹⁴, то у чиновников, чья молодость прошла под звуки этих чарующих мелодий, возникает иллюзия того, что ссылки в западных изданиях — вот подлинный гарант эффективности научной деятельности. Но здесь, к сожалению, мы попадаем в самый страшный капкан для гуманитарных наук. Современный российский исследователь может получить признание только в том случае, если он покажет вкусам наших геополитических противников. Человек, который подвергает внутреннюю и внешнюю политику России уничтожающей критике, всегда будет признан прогрессивно мыслящим учёным. На него обрушатся и западные гранты, и престижные публикации, и приглашения на интереснейшие научные конференции. Тот же, кто будет последовательно отстаивать национально-государственные интересы, никакого умиления у западного научного сообщества вызывать не может, ибо Запад на протяжении многих веков стремился к расчленению и захвату России.

Не подлежит сомнению, что те положения, которые уже были сформулированы выше, весьма далеки от великих гуманистических идей, утверждающих,

что человек по своей природе добр и разумен. Однако, ради верности научной истине, следует упомянуть ещё и самый страшный **пятый закон: человек — существо агрессивное, тяготеющее не только к убийству себе подобных, но и к уничтожению культурно-исторических памятников, созданных предшествующими поколениями.**

Увы, со всеми этими «человеконенавистническими законами» начинающим политическим психологам следует считаться всегда!!!

Подводя итог, надо признать, что те проблемы, с которыми накануне своего 30-летия сталкивается отечественная политическая психология, — это проблемы нашей гуманитарной науки в целом. А коли так, то нам необходима метáνοια — **перемена сознания**. С моей точки зрения, для этого нужно прежде всего отказаться от порочной практики идеализации окружающего нас мира. Пора перестать, вслед за великим пролетарским писателем М. Горьким, повторять сладостную, но вздорную мысль о том, что «человек — это звучит гордо», или твердить вслед за В.Г. Короленко, что «человек создан для счастья, как птица для полёта». Надо исходить из того, что человек является таким, каким его знает всемирная история на протяжении, по крайней мере, пяти последних тысячелетий. Много ли за это время было мирных дней в истории человечества? Совсем немного. Зато некоторые войны длились даже не десятилетиями, а столетиями. Не будет преувеличением сказать, что всемирная история писана кровью и что мы живём в очень жестоком мире. И если уж ориентироваться на популярные произведения массовой культуры, то лучше было бы вспомнить слова песни: «Этот мир придуман не нами, этот мир придуман не мной»¹⁵. Надо воспринимать реальность такой, какая она есть. И политические психологи, отбросив модную ныне политкорректность и толерантность, в первую очередь должны отказаться от идеализации человека. Надо признать, что мы живём в условиях жесточайшей конкурентной борьбы, и в этой конкурентной борьбе участвуют не только государства и транснациональные корпорации, не только мировые религии и тоталитарные секты, но и спецслужбы, криминальные группировки и международные террористические организации. В этой жестокой борьбе на стороне наших геополитических противников мы частенько видим и некоторые научные школы и отдельных учёных. Осознание этой страшной реальности столь же полезно, как и возникшее в конце 40-х — в начале 50-х годов прошлого столетия понимание того, что ядерное оружие может в считанные минуты покончить с человечеством как таковым. Наградой за это адекватное понимание стало то, что человечество около семидесяти лет просуществовало без самоубийственной мировой войны.

13 Из песни «Последнее письмо» (музыка В. Бутусова — слова Д. Умецкого, В. Бутусова) // «Наутилус Помпилиус», альбом «Князь Тишины». 1989. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Князь_тишины (обращение 25.12.2018).

14 Из песни «Манхэттен» // «Банд'Эрос», альбом «Коламбия Пикчерз не представляет». 2008. URL: <http://banderos.ru/> (обращение 25.12.2018).

15 Из песни «Этот мир» (слова Л. Дербенёва — музыка А. Зацепина) из фильма «Женщина, которая поёт» (1978 г.) в исполнении А. Пугачёвой.